

Бруно Коппитерс

ПРЕДИСЛОВИЕ (1)

Настоящий сборник о международной практике разрешения этнических конфликтов представляет собой третью, и последнюю, книгу из серии, посвященной этническим, региональным конфликтам и конфликтам национальной идентичности в бывшем Советском Союзе. В первой книге внимание сосредоточивается на Центральной Азии и Кавказе, а во второй - на России, Украине и Белоруссии. В трех книгах собраны статьи ученых из университетов и научных институтов Азербайджана, Армении, Белоруссии, Бельгии, Великобритании, Грузии, Испании, Италии, России, Таджикистана, Узбекистана и Украины. Проект финансировался Международной ассоциацией по содействию сотрудничеству с учеными из независимых государств - бывших республик Советского Союза (ИНТАС), организацией, связанной с Европейским союзом.

Пространство безопасности ОБСЕ

Темой данной книги является международный опыт разрешения этнических конфликтов. Ее первый раздел содержит две статьи, представляющие и комментирующие различные концепции и позиции в теоретических дебатах о международных отношениях в условиях порядка, сложившегося после "холодной войны" (Раймунд Зайдельман, Родольфо Раджоньери). Второй раздел, состоящий из девяти статей, посвящен роли международного сообщества в урегулировании этнических конфликтов в Восточной Европе и Евразии (Эндрю Линклейтер, Эрик Ремакль, Эстер Барбе и Нора Саинз, Дмитрий Тренин, Оливье Пэ, Гиа Нодиа, Бруно Коппитерс - две статьи, Алексей Малашенко). Эндрю Линклейтер ставит проблему природы социальных связей, объединяющих граждан того или иного общества и отделяющих их от остального мира. Противоречие между национально-политической принадлежностью и необходимостью создания некоторой формы универсального гражданства, устанавливающего международные гарантии индивидуальных прав, частично было разрешено путем учреждения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) - с 1995 г. Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Эрик Ремакль описывает различные этапы в истории защиты национальных меньшинств со стороны СБСЕ со времени создания этой организации в 1975 г. Эстер Барбе и Нора Саинз разбирают политику СБСЕ/ОБСЕ в Прибалтийских государствах, Грузии, Молдове, Таджикистане, Нагорном Карабахе, Украине и Чечне. Интересы российской и западной безопасности в бывшем Советском Союзе в сравнительной перспективе анализируются Дмитрием Трениным. Западная политика в отношении Восточной Европы после крушения коммунизма находится в фокусе работ Оливье Пэ, Гиа Нодиа и Бруно Коппитерса. О. Пэ анализирует правовые и политические проблемы, связанные с западноевропейской политикой признания независимости Словении, Хорватии и Боснии-Герцеговины. Г. Нодиа объясняет, почему грузины на протяжении всей своей истории ориентировались на Запад и рассматривали себя более близкими Западу, чем любые из их соседей. Б. Коппитерс представляет значение понятия периферии в западноевропейской политике по отношению к Грузии. Основным фокусом его работы является западная позиция в отношении региона, который она не считает, в противоположность грузинскому пониманию своей национальной идентичности, частью Европы. Алексей Малашенко рассматривает меняющуюся ориентацию государств Центральной Азии и их отношения с Россией, а Б. Коппитерс анализирует контакты между НАТО и центральноазиатскими государствами в рамках программы "Партнерство ради мира". Еще один раздел этой книги посвящен западноевропейскому опыту разрешения этнических конфликтов. В отличие от австрийской или германской формы федерализма Бельгия является федеративным государством, основанным на этническом плюриформизме (ethnic pluriformity). Подобный этнический плюриформизм существует также и в Испании, которая, однако, еще не может рассматриваться в качестве федеративного государства, несмотря на предоставление широкой автономии своим регионам. Трансформация Бельгии от централизованного к федеративному государству анализируется с точки зрения политологии в

работах Рут ван Дейк и Криса Десхауэра. Энрик Фоссас Эспадалер разъясняет функционирование институтов Каталонии в сопоставлении с центральными государственными институтами Испании с точки зрения конституционного права.

За исключением работ Дмитрия Тренина, Алексея Малашенко и Гии Нодиа, все работы настоящей третьей книги написаны западными исследователями, в отличие от первых двух книг, где почти все авторы из бывшего СССР. Одной из главных целей проекта было установление новых связей между университетами и исследовательскими центрами из Западной Европы и бывшего Советского Союза с целью сбора научного материала для совместной публикации как на русском, так и на английском языках. Встает законный вопрос: имеет ли смысл начинать исследование и собирать материал для публикации по столь отличным друг от друга регионам евразийского пространства, охватываемого ОБСЕ? Этнические, региональные конфликты и конфликты национальной идентичности в постсоветском пространстве и в Западной Европе действительно принимают очень различные формы как с точки зрения международных отношений, так и с точки зрения внутренней политики. Как констатируется в работе Родольфо Раджоньери, "холодная война" оказала глобализирующее воздействие на структуры безопасности, в то время как ее окончание привело к регионализации мировой системы. Такая регионализация международных отношений приносит во внешнюю политику эффект фрагментации. Творцы внешней политики при формировании своих приоритетов в первую очередь принимают во внимание региональные интересы. Однако при анализе региональной безопасности всегда присутствует глобальная перспектива. Например, в чисто региональном плане правительствам Центральной Азии и Закавказья не приходится рассматривать проблему расширения НАТО как основополагающую для интересов их безопасности. В противоположность всем другим членам ОБСЕ территориальная экспансия натовского альянса или милитаризация границ между Восточной и Центральной Европой непосредственно не затрагивает государства Центральной Азии и Закавказья. Их попытка привлечь западный капитал и найти определенный баланс между интересами безопасности России и Запада заставляет их, однако, выработать перспективу за пределами своих региональных рамок. Косвенное влияние расширения НАТО на российскую политику в отношении Центральной Азии или на создание новых военных альянсов опосредованно воздействует на их собственную региональную политику. В этом смысле, теоретические дискуссии о характеристиках новой международной системы, возникшей после "холодной войны", - как это анализируется в двух первых статьях данной книги - применимы для анализа всех регионов Евразии.

Национальные меньшинства и международное сообщество

Все этнические конфликты в бывшем Советском Союзе, которые приняли насильственную форму, имеют ясное международное измерение. Существование национальных меньшинств, которые могут пользоваться поддержкой со стороны своих сородичей за границей, активное вмешательство внешних сил во внутренние региональные конфликты и опасность расползания этнических конфликтов за пределы национальных границ рассматривались в качестве объективных факторов, дающих основания для международной озабоченности и активной вовлеченности таких международных институтов безопасности, как ОБСЕ или ООН. В Западной Европе этнические конфликты, за исключением Корсики, также имеют международное измерение (конфликт в Северной Ирландии прямо затрагивает Ирландскую Республику, а конфликт в Стране Басков - соседнюю Францию), но никогда не рассматривались международными организациями как угроза международной безопасности. Все западноевропейские правительства отвергли бы посреднические усилия международных организаций в этнических конфликтах на их территории как незаконное вмешательство во внутренние дела. Ввиду этого работы Э. Ремакля, Э. Барбе и Н. Саинз сосредоточивают внимание исключительно на ситуации в бывшем СССР, Центральной и Южной Европе.

Пассивность таких международных организаций, как ОБСЕ, Совет Европы или ООН, в отношении насильственных конфликтов в Северной Ирландии или в Стране Басков не означает, что западные правительства не осознают последствий политики этих организаций и принятия международных

конвенций и положений относительно защиты национальных меньшинств для их собственной национальной политики. Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств, принятая по решению Совета Европы, была подписана 1 февраля 1996 г. 31 государством из 38. За этим первым шагом по принятию конвенции последовала ее ратификация национальными парламентами всех подписавших ее государств. Конвенция имеет - если двенадцать государств ее ратифицируют - обязательную силу для государств, которые ее подписали. Лишь четыре государства - Испания, Румыния, Словакия, Венгрия - завершили в феврале 1996 г. всю процедуру принятия конвенции. (2) Во всех этих четырех государствах проблема национальных меньшинств находится в центре политической жизни. Конвенция устанавливает обязательство принимать меры по сохранению культуры и защите самобытности национальных меньшинств, их религии, языков и традиций, обеспечивать им доступ к средствам массовой информации и т.п. Мало вероятно, что Турция, вовлеченная в гражданскую войну со своим курдским меньшинством, и Греция, где проживает большая албанская община, ратифицируют конвенцию. Франция считает даже цель конвенции - защищать национальные меньшинства - несовместимой с ее собственной конституцией. Французская конституция не признает существования различных национальностей и признает лишь французское "национальное сообщество" и отдельных французских граждан. Несмотря на французскую позицию, России пришлось взять на себя официальное обязательство присоединиться к этой конвенции прежде, чем в феврале 1996 г. ее приняли в качестве 39-го члена Совета Европы.

Следующий мотив рассматривать этнический, региональный конфликт и конфликт национальной идентичности в более широких рамках, нежели рамки отдельного региона, - это мотив нормативный.

Окончание "холодной войны" понимается как конец разделения Европы и начало появления новой европейской идентичности. Статья Эндрю Линклейтера посвящена задаче разработки нормативного видения политической организации и гражданства, выходящего за пределы границ Европы. Э. Линклейтер доказывает, что космополитическая перспектива не обязательно будет "бесформенной" в смысле национальной идентичности или даже противостоящей этнической, национальной или религиозной идентичности. Этническая и религиозная принадлежность должна и может быть сбалансирована космополитическим идеалом. Определение такой новой концепции гражданства требует наличия элементарного понятия о различных дефинициях этнической и национальной идентичности, существующих в разных частях Европы и Евразии. Б. Коппитерс и Г. Нодиа констатируют, что западноевропейское и грузинское понимание своей политической культуры слишком далеки друг от друга, чтобы рассматривать космополитическое или даже европейское гражданство в качестве реальности сегодняшнего дня. Такая форма гражданства остается далеким идеалом. Однако в своей статье об СБСЕ/ОБСЕ Э. Ремакль показывает, что документы и политика этой организации в отношении национальных меньшинств отражают специфические моменты в истории "холодной войны" и после нее. Документы, принятые в 90-х годах XX в., показывают явный прогресс политической воли в деле предоставления правовой защиты меньшинствам по сравнению с документами 70-х и 80-х годов. В соответствии с этим анализом можно увидеть прогресс в правовой защите национальных меньшинств на всем евразийском пространстве, которое в настоящее время охватывает ОБСЕ. Это может рассматриваться как положительный признак возникающего космополитического определения гражданства.

Интеграция и дезинтеграция в Европе

Идея единства Европы является одной из старейших идей западной цивилизации. Она наполнена как религиозным, так и светским содержанием. Раньше она идентифицировалась с христианством, а позже с Просвещением, не теряя своей символической силы на протяжении этого процесса. Со времен Макиавелли она неуклонно развивалась в направлении светской концепции, в которой понятие христианства постепенно заменялось идеями свободы и цивилизации, указывая на контраст с другими континентами, все еще "погрязшими во тьме". (3) Самоосознание Европы в качестве цивилизации, защищающей универсальные ценности - ценности, которые не признают политических границ, - благоприятствовало интеграционному процессу. Успех этого процесса в

Европе - даже если некоторые государства и остаются неподатливыми к созданию европейского федеративного государства и лишь немногие западно- или североевропейские страны остаются вне Европейского союза - в значительной степени был обязан такой имеющей глубокие культурные корни объединяющей идее, которая была способна скрепить институциональный процесс экономической и политической интеграции.

Такая интерпретация важности культурного самосознания Европы для европейского интеграционного процесса не должна рассматриваться как идеалистическая. Идеи и идеалы действительно не являются достаточными факторами для объяснения истории европейской интеграции, но самосознание Европы должно быть принято во внимание как детерминирующий фактор в интеграционном процессе. Самоосознание Европы как объединенной цивилизационной области принадлежит к "мировым имиджам" ("Weltanschauungen", букв. "мировоззрения"), прокладывающим путь, по которому осуществляются действия человека, подталкиваемые динамикой материальных и идеологических интересов. (4) Это самоосознание может также рассматриваться как принадлежащее к тому, что Теда Скокпол и Роджерс Брубейкер называют "культурными идиомами", манерой мышления и разговора, которые вносят вклад в коллективную идентификацию. (5) В противоположность идеологиям ("системам идей, выдвигаемых как самоосознаваемые политические аргументы идентифицируемыми политическими актерами") культурные идиомы как способ мышления и суждений о политике и обществе имеют "более длительное, более анонимное и менее ангажированное существование". Культурная идиома составляет политическую реальность, так как она культурно опосредует выражение материальных интересов. Самопонимание Европы как цивилизационного единства благоприятствует, например, политической стратегии европейской интеграции, поскольку идея европейского единства рассматривается в качестве решения основной политической и экономической проблемы и как способствующая удовлетворению интересов всех вовлеченных наций.

Политический императив создания европейского единства всегда присутствовал как в Западной, так и в Восточной Европе. В России эта идея создала линию разделения между политическими течениями (западники и славянофилы). Утопическая перспектива интеграции всех стран Европы на основе их производительных сил была основополагающей для марксизма и большевизма. В Первой мировой войне большевики видели не опровержение необходимости объединения рабочего движения в Европе, а, наоборот, мощный аргумент в пользу создания мировой социалистической системы, которая покончит с тысячелетней европейской междоусобицей. (6) Создание Советского Союза рассматривалось в качестве первого шага к установлению диктатуры пролетариата в остальной части Европы и мира.

Вторая мировая война не интерпретировалась как окончательное эмпирическое опровержение пригодности этой идеи единства Европы. Как и в случаях всех предшествующих европейских войн, этот новый опыт национализма не нанес окончательного удара, но укрепил этический императив преодоления ее разделения путем радикальной реорганизации европейской политической архитектуры. В 50-х годах было выдвинуто несколько инициатив по созданию основы интеграционного процесса между Германией и другими западноевропейскими государствами. Наиболее успешным было создание Европейского экономического сообщества по Римскому договору, подписанному 25 марта 1957 г. В Восточной Европе интеграция Восточной Германии в объединенную экономическую и военную систему под руководством Советского Союза была также легитимирована необходимостью преодоления зол национализма и капитализма, которые привели одну часть Европы в состояние войны с другой. Даже если идеологические программы, преобладающие в Западной и Восточной Европе, и были несовместимы, все же и ту и другую можно было считать универсалистской. (7)

В период разрядки, несмотря на разделение Европейского континента "холодной войной", надежда на создание определенной формы единства через мирное сосуществование и даже через определенную конвергенцию между двумя системами была характерной для самосознания политических лидеров по обе стороны Берлинской стены. Советские по безопасности и

сотрудничеству в Европе, созданное для преодоления военного разделения Европы политическими, экономическими рычагами и посредством идеи о правах человека, свидетельствовало о силе осознания Европой самой себя как цивилизационного единства. Примерно через пятнадцать лет конец деления Европы на два военных блока придал новый импульс всем организациям, созданным для установления общеевропейских рамок сотрудничества (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совет Европы). Однако окончание "холодной войны" не означало, что разделенность Европы может быть преодолена. Определенное число восточноевропейских стран - включая Россию - было лишено перспективы интеграции в Европейский союз и в НАТО. Новые институциональные механизмы, созданные обеими организациями для налаживания лучших связей со странами, которые не рассматриваются в качестве перспективных членов (Европейский союз ведет переговоры о заключении соглашений о партнерстве и сотрудничестве, а члены НАТО выдвинули инициативу "Партнерство ради мира" с государствами, которые не имеют шансов войти в эту организацию), не отменяют этих новых форм разделения Европейского континента, а свидетельствуют о том, что идея Европы лишь с трудом может быть совместима с реальностями исключения или маргинализации.

Работы Э. Ремакля, Э. Барбе и Н. Саинз о политике СБСЕ/ОБСЕ свидетельствуют о растущем влиянии этой организации на национальную политику стран-участниц. Однако идея интеграции Европы оказывает также эффект фрагментации на международную политику. Некоторые статьи этого сборника анализируют дезинтеграционные последствия реализации идеи Европы для существующих национальных государств. Э. Линклейтер обращает внимание читателей как на существующие в Великобритании страхи в связи с тем, что национальная самобытность и суверенная власть будут потеряны в федеральной Европе, так и на надежду некоторых шотландских националистов на то, что Европа может помочь им выразить шотландскую национальную идентичность и получить политическую власть. Схожие ожидания существуют во Фландрии или Каталонии относительно создания "Европы регионов". В своей статье в данной книге Крис Десхауэр считает, что идея Европейского союза, в котором Фландрия может независимо от бельгийского государства обрести свой суверенитет, далека от возможности ее реализации в ближайшем будущем. Со второй половины 80-х годов региональные власти в Испании, Бельгии и Германии, где относительная доля властных полномочий дана регионам, тем не менее оказывали все большее давление на свои собственные правительства и на европейские институты с целью институционализации их участия в европейском процессе принятия решений. Маастрихтским договором (февраль 1992 г.) был создан "Комитет регионов".

Перестроить Европейский союз по региональному принципу не так-то легко. В Европейском союзе федеральные государства соседствуют с централизованными, что исключает общее определение региона и его компетенции. Голландские провинции, немецкие земли, французские, итальянские, бельгийские и другие европейские регионы имеют также очень разную численность населения. Проект Европейского союза, который включал бы не национальные, а "региональные государства" в качестве его членов, не имеет для своей реализации достаточной основы в нынешней институциональной реальности. (8)

В Западной Европе субнациональные единицы стараются преодолеть ограничения национального государства, укрепляя свои позиции в процессе строительства европейского сверхгосударства. В Восточной Европе, где националистическая мобилизация совершенно иного типа имела целью восстановление национального суверенитета, идея Европы также играет видную роль. Основной мотивацией сил, сделавших возможным распад СЭВ, Варшавского договора и даже Советского Союза, было ожидание того, что такие шаги могут облегчить их интеграцию в Европу. Звиад Гамсахурдиа, лидер грузинского национально-освободительного движения, был глубоко убежден в том, что независимость от России и Советского Союза позволила бы Грузии стать частью Европы. Такие идеи, быть может, были иллюзорными, но иллюзии такого рода смогли революционизировать пол-Европы.

Не стоит переоценивать дезинтегрирующее и фрагментирующее воздействие идеи европейской

супернации на существующие государства как в Восточной, так и в Западной Европе. Регионы и малые нации могут укрепить свои политические позиции, но это не означает того, что они смогут стать действительным субъектом международных отношений. Ни Каталония, ни Фландрия не смогут возникнуть в результате процесса дезинтеграции своих государств в качестве экономически или даже политически суверенных стран: создание валютного союза в Европе предполагает создание европейского центрального банка и единых финансов, а создание политического союза в Европе предполагает формирование общей внешней и оборонной политики. Малые страны Закавказья или Центральной Азии находятся в совершенно других условиях: они все еще слишком зависимы от России, чтобы рассматриваться в качестве полностью суверенных государств.

Федерализм в Западной Европе

Третий раздел - "Западноевропейский опыт разрешения этнических конфликтов" - представлен тремя работами о федеральном государственном устройстве в Западной Европе. Рут ван Дейк, Крис Десхауэр и Энрик Фоссас Эспадалер описывают этот опыт на примерах Бельгии и Каталонии. Опыт этих государственных образований весьма специфичен в западноевропейском контексте, и их внутреннее устройство определенно не рассматривается как самое стабильное. Бельгийская федеральная и испанская "квазифедеральная" структуры слишком недавнего происхождения и не прошли испытания временем. Не исключено, что оба государства смогут перейти к конфедеративному устройству. Более стабильные и - если стабильность определена как центральная политическая ценность - более успешные случаи федерализма можно найти в странах, где, в противоположность Испании и Бельгии, одна центральная этническая группа (в Федеративной Республике Германии) или ее большой фрагмент (в Соединенных Штатах) поддерживает чувство солидарности среди различных федеральных структур. (9) Бельгийский федеральный и испанский "квазифедеральный" механизмы могут, однако, оказаться более интересными для восточноевропейских читателей, чем федеральные механизмы, присущие, например, послевоенной Германии. Весь федеральный опыт Восточной Европы приобретался в многоэтнических государствах в процессе поисков ответа на легитимные требования национальных меньшинств иметь свою собственную родину (как в Бельгии и Испании), а не в странах с одной центральной этнической группой, где ставилась цель децентрализации политической власти (как в Федеративной Республике Германии).

Конституционные перепалки в Восточной Европе и в СНГ предполагают, что "иностраные модели" приемлемы лишь тогда, когда их механизмы соответствуют местным историческим условиям и усиливают или легитимируют власть и политику существующего политического руководства. Установление президентских систем во всех странах СНГ сопровождалось, например, повышенным интересом к американской президентской модели. Западноевропейские парламентские системы не казались подходящими для достижения политической стабильности в период драматических социальных и экономических перемен или для легитимации власти нового политического руководства страны.

Ни Бельгия, ни Испания не представлены здесь как модель для подражания. Оба типа регулирования этнических конфликтов слишком различны даже для того, чтобы рассматриваться в качестве моделей друг для друга. Авторы дают широкую картину конкретных исторических условий, в которых возникли оба опыта. В противоположность Бельгии, где существует определенный баланс между двумя главными национальностями, требующий определенной формы симметрии, Испания состоит из нескольких регионов и национальностей, имеющих различный численный и экономический вес, что делает возможным создание "асимметричных" форм устройства между центром и регионами. Испанское государство не может быть моделью для Бельгии, а бельгийский федерализм не может представить образец для Испании.

К. Десхауэр указывает на возникший в последнее время интерес к изучению "брюссельской модели" у ученых Южной Африки и Израиля. Их внимание фокусируется на преимуществах нетерриториальных федеральных принципов при создании политических структур, которые смогут

гарантировать автономию различных национальных культур без создания новых территориальных границ. Нетерриториальный принцип не является, однако, "западным" принципом. Он был введен в научную литературу Отто Бауэром и другими австромарксистами и был связан с определенным, ограниченным историческим опытом, а именно опытом Австро-Венгерской империи.

Бауэр был убежден в том, что ввиду наличия смешанного населения на значительной части территории Австро-Венгерской империи необходимо было найти федеральное решение, которое учитывало бы политические и культурные права каждой национальности этих регионов. Он предложил для данных регионов такую форму федерализма, согласно которой некоторые государственные структуры создавались бы по нетерриториальному принципу, возглавлялись представителями тех или иных национальных общин региона и в их компетенцию входила бы в первую очередь культурная политика национальности этого края.

Несколько государственных учреждений такого рода могли бы сосуществовать в одном и том же регионе. Параллельно этим учреждениям, основанным не на территориальном принципе, институты, созданные по территориальному принципу, ведали бы в первую очередь экономическими вопросами. Руководство этими институтами избиралось бы всеми гражданами региона независимо от их национальной принадлежности.

Такие смешанные формы федеративного устройства существовали бы лишь в регионах со значительными этническими меньшинствами. В других регионах продолжали бы существовать классические федеральные институты, основанные на территориальном принципе.

Австромарксистское решение национального вопроса вызывало большой интерес в грузинских политических кругах до 1918 г. Ранние произведения Сталина по национальному вопросу, в которых он упоминал территорию как один из главных объективных атрибутов нации, в значительной степени были полемическим опровержением австромарксистской теории. Этот нетерриториальный принцип удостоился слишком малого внимания в странах СНГ. В нескольких случаях правительства отказывались рассматривать требования национальных меньшинств создать автономные политические структуры, так как они опасались, что новые территориальные подразделения увеличат риск сепаратистских движений. Они считали, что требования политической автономии не обязательно должны иметь территориальную привязку.

После крушения коммунизма в Восточной Европе бельгийская федеральная система, как и некоторые другие западные федеральные системы, была предложена в качестве модели для Восточной Европы. Предполагалось, что бельгийские федеральные принципы будут пригодны для Чехословакии. Существование в обеих странах двух основных национальностей диктовало необходимость найти симметричные федеральные решения. Так как чехословацкий федерализм не пережил процесса демократизации и страна раскололась на два государства, то чехословацкий пример, наоборот, теперь используется фламандскими сепаратистами как модель мирного разделения федеративного государства. Кроме того, эта попытка использования политического опыта одной страны в качестве примера для другой должна рассматриваться как упрощенная. Одной из причин того, почему Бельгия не примет "чехословацкой модели", является, как доказывает К. Десхауэр в своей работе, трудность разделения Брюсселя и его смешанного населения по территориальному принципу. Использование нетерриториального принципа возможно в рамках единого федерального государства, но никогда не использовалось для определения суверенитета двух независимых государств.

Бельгийская модель является предметом интересных споров в Испании. Согласно Ф.А. Маркосу Марину, близкому к нынешнему главе правительства Хосе М. Аснару, и Хосе Мостерину, исключительное использование фламандского или французского языка во Фландрии и в Валлонии следует считать "тоталитарной" политикой, при которой коллективные права имеют приоритет над принципом индивидуальной свободы. Однако каталонский автор Франсеск Вальверду не думает, что понятие "тоталитаризм" подходит для описания лингвистической политики Бельгии. С его точки

зрения, политика последней, проводимая во Фландрии и в Валлонии, двух ее основных регионах, не отличается, например, от политики Дании или Португалии, где также лишь один язык принят в качестве официального. Никто не стал бы считать эти две последние страны тоталитарными, и не было бы никакого смысла иначе подходить к федеральным единицам. Ф. Вальверду считает Брюссель, третий бельгийский регион наряду с Фландрией и Валлонией, территорией, на которой действуют принципы "демократического апартеида". Он использует термин "апартеид" для обозначения полного разделения культурных, образовательных и социальных институтов по лингвистическому принципу (такого разделения не существует в Каталонии), а термин "демократический апартеид" - для указания на то, что каждый индивидуум, живущий на территории Брюсселя, имеет полную индивидуальную свободу выбирать свой лингвистический режим. (10) Такие споры демонстрируют, что не существует универсальных федеральных моделей, но что сравнительный анализ функционирования федеральных систем в очень разных условиях интересен с точки зрения оценки существующих политических альтернатив.

---

1. Я благодарю Криса Десхауэра, Тео Янса, Дмитрия Тренина, Рут ван Дейк и Алексея Зверева за их отзывы на первый вариант данного предисловия.
2. См.: *Le Soir*. 1996. February 24/25.
3. См.: Den Boer P. *Europe to 1914: the Making of an Idea* // Wilson K., van der Dussen J. (eds.). *The History of the Idea of Europe*. London/New York, 1995. P. 58, 64.
4. См. упоминание Брубейкером социологии религий Макса Вебера в: Brubaker R. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge/Mass. and London, 1994. P. 17.
5. Об этом см.: *Ibid.* P. 162-163.
6. О "еврофильской" идее о том, что объединенное европейское государство покончило бы со всеми войнами в Европе, см.: Smith A. *Nations and Nationalism in a Global Era*. Cambridge: Polity Press, 1995. P. 116 - 146.
7. См.: Waever O. *Europe since 1945: Crisis to Renewal* // Wilson K., van der Dussen J. (eds.). *Op. cit.* P. 163.
8. См.: Van Overbeke P. *Regional Integration in Europe and the Subsidiarity Principle* / Master thesis in European Politics, Cultures and Societies. Vrije Universiteit Brussel, 1996; Engel C., Van Ginderachter J. *Trends in Regional and Local Government in the European Community*. Leuven, 1993. P. 11-50.
9. См.: Smith A. *Op. cit.* P. 119.
10. Об этой дискуссии см.: Vallverdu F. *Por un bilinguismo equilibrado* // *El Pais*. 1996. Julio 17.